

Revue mensuelle

Ноябрь - Декабрь 1933

LE MESSENGER

ВѢСТНИКЪ

РУССКАГО СТУДЕНЧЕСКАГО ХРИСТІАНСКАГО
ДВИЖЕНІЯ

XI - XII - НОЯБРЬ - ДЕКАБРЬ - 1933.

ПАРИЖЪ

8-ой годъ изданія.

Цѣна номера 3 ф.

Съ праздникомъ!

„Вѣстникъ“ поздравляетъ читателей и сотрудниковъ съ праздникомъ Рождества Христова и Новымъ Годомъ и желаетъ всѣмъ радости, мира и всяческаго благополучія.

Въ связи съ перенесеніемъ печатанія „Вѣстника“ въ Эстонию произошла задержка съ выпускомъ послѣднихъ №№ журнала.

Принося свои извиненія за вынужденную неаккуратность, „Вѣстникъ“ въ дальнѣйшемъ будетъ выходить регулярно въ началѣ каждого мѣсяца.

Въ новогоднемъ № „Вѣстника“ будутъ напечатаны статьи Б. П. Вышеславцева „Культура сердца“, В. Н. Ильина „Особенности творчества И. А. Бунина“ и другія.

Принимается подписка на 1934 годъ.

Подписная плата — 20 ф. франковъ въ годъ. Для членовъ Движенія, учителей, студентовъ 15 ф. франковъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е № 11-12 (1933)

Парижъ, декабрь 1933 года	3
Обще-русская радость	6
Пути христіанина и современность	7
Блаженный Августинъ. И. Смоличъ	13
Н. Федоровъ. Ученіе. (Человѣческая активность и послѣднія судьбы міра	15
Злоба и безуміе. (Событія въ Почаевѣ). И. М.	22
Совѣтская жизнь.	
„Красные купцы“	27
„Безъ хозяина“. (Сов. школьное хозяйство)	—
„Колхозы и безбожіе“	29
„Батюшки и колхозы“	30

РУССКОЕ СТУДЕНЧЕСКОЕ ХРИСТИАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ЗА РУБЕЖОМЪ ИМѢЕТЪ СВОЮ ОСНОВНУЮ ЦѢЛЮ ОБЪЕДИНЕНІЕ ВЪРЮЩЕЙ МОЛОДЕЖИ ДЛЯ СЛУЖЕНІЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ПРИВЛЕЧЕНІЕ КЪ ВѢРѢ ВО ХРИСТА НЕВѢРЮЩИХЪ. ОНО СТРЕМИТСЯ ПОМОЧЬ СВОИМИ ЧЛЕНАМЪ ВЫРАБОТАТЬ ХРИСТИАНСКОЕ МІРОВОЗРѢНІЕ И СТАВИТЬ СВОЮ ЗАДАЧЕЙ ПОДГОТОВЛЯТЬ ЗАЩИТНИКОВЪ ЦЕРКВИ И ВѢРЫ, СПОСОБНЫХЪ ВЕСТИ БОРЬБУ СЪ СОВРЕМЕННЫМЪ АТЕИЗМОМЪ И МАТЕРИАЛИЗМОМЪ.

Парижъ, Декабрь 1933 г.

Мировой кризисъ переходитъ въ ту стадію, когда потребность дѣйствовать — пусть слѣпо, разрушительно, но дѣйствовать — неодолимо овладѣваетъ извѣрившимися массами. Миръ боится войны и въ то же время полонъ предчувствій войны, стихійно готовится къ ней. Соціальная инерція еще дѣйствуетъ, но съ каждымъ днемъ ослабѣваетъ власть привычнаго. Растетъ глухое озлобленіе противъ существующей соціально-политической дѣйствительности, не имѣющей силы сказать новое слово, не умѣющей вывести миръ изъ тупиковъ. За зарницами предчувствуемой военной грозы, сверкаютъ молніи соціальныхъ революцій и катастрофъ. Наростаютъ тревожные исканіе новыхъ началъ и принциповъ общественной жизни и дѣятельности, новыхъ путей соціально-государственного устроенія. Переворотъ въ Германи, опытъ президента С. А. С. Ш. Рузвельта,

усиленіе такъ называемыхъ „фашистскихъ“ настроеній почти всюду — не случайныя „болѣзненные искаженія“. Это попытки — еще несовершенныя, неумѣлыя, быть можетъ, даже уродливыя — осознать и оформить тѣ сдвиги и измѣненія, какія уже совершились въ глубинѣ человеческого соціального сознанія.

Исторія — судъ Божій надъ міромъ. Греческое слово „кризисъ“ и значитъ собственно — судъ, оцѣнка. Кризисъ — тотъ страшный моментъ, когда о человѣческомъ дѣланіи въ исторіи произносится слово Божьяго суда, слово оправдывающее или осуждающее.

„Святый Крѣпкій“, Христосъ Творецъ и Искупитель господствуетъ надъ стихіями распада и злобы, даетъ власть и силы побѣдить ихъ... Христианское сознаніе одно, и только одно оно, можетъ оставаться и остается яс-

нымъ и трезвымъ въ ужасѣ предчувствуемыхъ катастрофъ. Но это не только великое преимущество христіанъ, но и великая релігіозна обязанность, страшный и отвѣтственный релігіозный долгъ.

Эпохи „кризисовъ“ — суть эпохи, когда міръ особенно ждетъ пророчества. Пророческое служеніе не есть служеніе прорицаній, предсказаній, какъ это у насъ обычно понимается. Смыслъ и цѣль пророческаго служенія въ духовномъ и релігіозно-соціальному водителствѣ, въ призывѣ къ релігіозно вѣрному, праведному будущему, въ призывѣ къ труду и самый трудъ надъ осуществленіемъ правды Божіей и въ личной и въ соціальной жизни. Величайшій пророкъ Ветхаго Завѣта — о которомъ Церковь говоритъ — „во плоти ангелъ, пророковъ основаніе“ св. пророкъ Ілія не былъ ни прорицателемъ ни предсказателемъ. Отъ него мы не имѣемъ никакихъ „пророчествъ“. Онъ былъ духовнымъ релігіозно-соціальнымъ вождемъ своего народа.

Соборному разуму церкви Христовой вручено истинное вѣдѣніе, даны право и сила подлиннаго пророческаго служенія. Церковь Христова имѣетъ власть и долгъ духовнаго суда, релігіозной оцѣнки существующаго въ смыслѣ большаго или меньшаго осуществленія въ немъ духа Христовой правды, христіанской любви. Неудовлетворенность существующимъ во имя большаго явленія правды въ грядущемъ, во имя задачи большаго приближенія къ полнотѣ этой правды — должны

быть существеннымъ моментомъ пророческаго служенія Церкви Христовой.

Церковь не призвана и не должна предлагать рецепты построения новой, праведной соціальной дѣятельности, а тѣмъ болѣе провозглашать тотъ или иной политической или соціальной строй единственно отвѣчающимъ духу ученія Христова. Нахожденіе конкретныхъ путей возможно полного воплощенія правды, соціальное и государственное строительство, осуществляющее съ наибольшей полнотой, возможной для данной эпохи, духъ и силу Христовой любви — дѣло человѣческой свободы и творчества. Церковь Христова, исполняя свое пророческое служеніе, можетъ только указать опредѣляющія линіи, въ направленіи которыхъ должны совершаться трудъ и исканія, призвать къ этимъ исканіямъ, благословить и освятить трудъ надъ осуществленіемъ христіанской любви въ исторической дѣятельности. Католическая Церковь осознала это раньше, чѣмъ Православіе. Два года тому назадъ она праздновала сорокалѣтіе со дня появленія энциклики папы Льва XIII, устоявивавшей отношеніе католической церкви къ соціальному вопросу и рабочему движенію. Энциклика папы Пія IX, изданная въ связи съ сорокалѣтнимъ юбилеемъ энциклики папы Льва — продолжаетъ и углубляетъ эти начатки пророческаго служенія церкви въ условіяхъ современной соціальной дѣятельности... Католическая церковь не достигла той высоты и свободы, какую должно имѣть пророческое служеніе церкви.

Объ энциклики не достаточно отдѣляютъ вѣчно отъ случайнаго, преходящаго, декретируетъ условное и земное въ качествѣ незыблемаго и неизмѣннаго. Но самое сознание лежащаго предъ церковью долга пророческаго служенія, вдохновившее Первосвященниковъ Римской Церкви — праведно и вѣрно. Сознаніе это должно быть и у Православія. Въ дни столкновенія нарождающихся новыхъ идей, силъ, трагической борьбы соціальныхъ исканій и предчувствій православное общество — по призыву церкви, съ ея благословеніемъ, при ея помощи и судѣ, должно искать свой путь возможно полного осуществленія Правды Христовой, должно сказать свое отвѣтственное слово.

Нужно съ болью и тревогой признаться, что мы, православные, мало готовы къ той страшной и отвѣтственной задачѣ, предъ которой ставить насъ Господь чрезъ исторію. Частное, низшее, подъ часъ личное преобладаетъ у насъ надъ общимъ, католическимъ, Христовымъ.

Православныя церкви Востока пребываютъ въ своей національной замкнутости. Православная Церковь въ Россіи безгласна и гонима. Русская Церковь въ эмиграціи пребываетъ въ раздѣленіи, и отдѣльныя вѣтви расколывагося единства почти не обнаруживаютъ воли къ преодолѣнію церковнаго несчастья и болѣзни. Въ лучшемъ случаѣ — мыслятъ это преодолѣніе по упрощенному, — неправедному и безлюбивому типу „покоренія“ нашей истинѣ. „Всѣ внѣ истины . . . только мы въ полнотѣ ея, поэтому

пусть придутъ и покорятся нашей истинѣ“... Мертвое и мертвящее ожиданіе, только укрѣпляющее болѣзнь, превращающее ее въ хроническій недугъ.

Письмо изъ Польши о печальныхъ событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ Почаевской Лаврѣ въ сентябрѣ этого года (помѣщено въ этомъ № „Вѣстника“) вскрываетъ новую разновидность опасности партикуляризма, забвеніе каѳоличности и абсолютности Церкви Христовой, ослабляющей Православіе.

„Геть (вонъ) московскихъ святыхъ . . . Мы имѣемъ своихъ украинскихъ святыхъ“ — кричали демонстранты-украинцы во время церковнаго богослуженія. Мы стоимъ предъ такимъ огрубѣніемъ и искаженіемъ пониманія Церкви, отношенія къ ней, что невольно встаетъ вопросъ, есть ли у этихъ несчастныхъ демонстрантовъ, ослѣпленныхъ злобой и націоналистическими вождѣльніями, что либо общее съ духомъ Христовой церкви? Сознаніе надстихийности, над-національности Церкви, сознаніе ея каѳоличности пограно. Церковь унижена, превращена въ одну изъ деталей національнаго эгоизма, вѣра превращена въ орудіе страстей.

Осуждая дикое безчинство, надо сознаться, что корни этой церковной бѣды уходятъ далеко, связаны съ долгимъ ненормальнымъ положеніемъ Русской православной церкви въ прошломъ, когда церковью пользовались въ качествѣ орудія политики.

Это не преодолѣно до сихъ поръ. Многіе изъ православныхъ, при всей своей релігіозности и церковности, принципиально раз-

дѣляютъ позицію почаевскихъ демонстрантовъ, готовы подчинить вѣчную правду церкви интересамъ политической и національной борьбы. Поэтому можно говорить о горестныхъ событіяхъ въ Почаевѣ, какъ о выраженіи общаго кризиса церковнаго сознанія. Праведно возмущаясь безчинствами въ Почаевѣ, осуждая ихъ, какъ антихристіанскія и антицерковныя, мы должны поставить предъ своею совѣстью вопросъ о нашемъ отношеніи къ Церкви, о нашемъ пониманіи

мѣста и значенія Церкви въ общей системѣ культурно-національной жизни и строительства. Въ кризисахъ совершается таинственный судъ Божій и надъ церквами (Апокал. 2—3 глава), и надъ каждымъ изъ насъ... Ангель Господень стоитъ у сердца каждой церкви, у сердца каждого вѣрующаго и измѣряетъ ихъ „золотою тростью“ — „мѣрю Человѣческою, какова мѣра и Ангела“ (Апок. 21, 15. 17.) Господь чрезъ исторію говоритъ намъ — „горѣ имѣйте сердца.“

Обще-русская радость.

10 декабря въ Стокгольмѣ вручена И. А. Бунину Нобелевская премія по литературѣ.

Русскій писатель признанъ однимъ изъ величайшихъ современныхъ мастеровъ художественнаго слова.

Признаніе совпало съ годами особенно тяжелаго, униженнаго положенія русскаго народа, русскою интеллигенціи. Тѣмъ большою радостью, свѣтлой и неожиданной, было это свидѣтельство того, что годы униженій, страданій, изгнанія не сломили творческой силы русскаго генія, не обезплодили его. Когда появи-

лись телеграммы, сообщавшія о присужденіи Нобелевской преміи И. А. Бунину почти каждый русскій отъ всего сердца говорилъ — „слава, слава Богу.“

Мелочное, завистливое, партійное отошло, забылось. Большая безкорыстная обще-русская радость объединила и примирила всѣхъ. Увѣнчаніе творчества И. А. Бунина превратилось въ общерусское культурное торжество и праздникъ. Сердечно привѣтствуя виновника торжества, пожелаемъ ему долгихъ лѣтъ жизни и творчества...

Пути христіанина и современность.

(Изъ переписки).

„Нельзя представлять борьбу съ марксизмомъ, безбожіемъ какъ какую до дуэль. Эта борьба — наша жизнь. И подходить къ ней нужно индивидуально, также какъ къ жизни. Кто все въ мірѣ измѣряетъ умомъ, пусть изучаетъ теоріи, всякое знаніе вещь хорошая. Но кто сердцемъ чувствуетъ Бога, у кого въ сердцѣ воскресъ Христосъ, кто способенъ стяжать въ себѣ миръ Христовъ — тотъ хранить свое сердце — это ценнѣе человѣческихъ теорій. „Стяжай миръ въ себѣ и вокругъ тебя спасутся тысячи“...

Для насъ борьба съ безбожіемъ — наша жизнь. Настоящая, вотъ сейчасъ, сію минуту, каждое дыханіе наше, а не когда то, въ туманномъ будущемъ. Мы окружены безбожіемъ. И совѣмъ не потому безбожіе процвѣтаетъ вокругъ насъ и въ насъ, что мы плохіе марксисты, а потому, что мы плохіе христіане. О чемъ же мы должны печалиться, о марксизмѣ ли?

Въ идеѣ созданія лучшаго будущаго, въ частности въ идеѣ возрожденія Россіи, какъ объ этомъ мечтаютъ многія организаціи, есть немножко большевицкаго, католическаго и еврейскаго, — Рай на землѣ, царство папы. Мессія земной царь. Мы хотимъ сбросить свой крестъ, перешагнуть черезъ данную намъ жизнь, мы стремимся къ царству

въ будущемъ. Не къ Царству Божию, Небесному, а къ царству земному. Мы, какъ евреи въ свое время, въ родившемся въ нашихъ сердцахъ Христѣ хотимъ видѣть земного владыку.

Господь пришелъ къ намъ, и мы хотимъ его силою, Его Именемъ построить Царство на землѣ. А сами сѣсть однимъ по правую, другимъ по лѣвую сторону Его земного трона. Къ тому ли долженъ готовиться ученикъ Христовъ? Нужно ли повторять о томъ, къ чему звалъ и что обѣщаль Господь своимъ послѣдователямъ?

И Движенецъ долженъ быть готовымъ не царствовать: спорить и разбивать комсомольцевъ (это сумѣетъ и язычникъ), а быть готовымъ страдать за Христа, быть гонимымъ даже до смерти. Такъ шли за Христомъ его ученики“.

* *
*

Во многомъ согласенъ съ Вами. Вѣрно, что мы должны прежде всего хранить духъ Христовъ въ сердцѣ, быть готовыми къ страданію за Него стремиться къ стяжанію мира. Вѣрно, что нужно, готовясь къ борьбѣ съ безбожіемъ, прежде всего любить тѣхъ, за души которыхъ мы хотимъ бороться. Все это вѣрно и без-

спорно, но это не все. Вѣрнѣе — все это нуждается въ пополненіяхъ и разъясненіяхъ. Первое и основное — нужно быть готовымъ не только къ страданіямъ и къ смерти за Христа, нужно быть готовымъ къ жизни и стоянію за Него. Готовность къ смерти и страданіямъ только одинъ изъ моментовъ — подчиненныхъ — этого болѣе общаго и болѣе Христова утвержденья. Христіанство не можетъ быть только пассивной, терпящей силой. Христіанство есть и должно быть силой измѣняющей жизнь, преображающей ее, воздѣйствующей на жизнь, борющейся за правду Христову. Христіанинъ долженъ быть не только пассивно страдающимъ и терпящимъ, но и въ самомъ страданіи и терпѣніи созидающимъ и осуществляющимъ иную дѣйствительность, строящимъ правду Божию. У насъ совершенно исчезло православное старо-церковное пониманіе смысла мученичества. Мы сосредоточили наше вниманіе на внѣшнемъ моментѣ — на моментѣ мученій, пролитія крови за Христа, на страданіи, какъ таковомъ. Между тѣмъ — Церковь другое цѣнитъ и подчеркиваетъ, и отмѣчаетъ въ мученичествѣ. Церковь — собственно — не знаетъ слова „мученикъ“ — она знаетъ слово „свидѣтель“ — „мартисъ“. — Нашъ, „мученикъ“ очень не совершенный и до извѣстной степени дающій иной смыслъ переводъ слова — „мартисъ“ — свидѣтель. Т. е. — „мученикъ“ тотъ, кто свидѣтельствуетъ истинное ученіе Христа, кто свидѣтельствуетъ несомнѣнность и подлин-

ность Его побѣды въ мірѣ, кто въ этомъ свидѣтельствѣ готовъ и ка страданія и на смерть. Такимъ образомъ — мученикъ не тотъ, кто пассивно приѣмлетъ страданія во имя Христа ради страданій, а тотъ, кто въ этихъ страданіяхъ и черезъ нихъ — потому что иначе нельзя — созидаетъ, осуществляетъ дѣло Христово. Церковь за прещаетъ искать мученичества, какъ страданія. Она принимаетъ страданія какъ только неизбѣжное и должное, когда они не отвратимы, когда именно на этомъ пути происходитъ утвержденье и явленіе истины ученія и дѣла Христова. Таковъ смыслъ мученичества въ первые вѣка Христіанства. Христіанство возвѣщало новую жизнь, побѣду надъ смертью, „иного житія вѣчнаго начало“. Нѣчто неслыханное, непонятное, странное для язычества. И свѣтлая готовность мучениковъ исповѣдывать это даже до отдачи жизни, какъ несомнѣнную реальность, ими опытно познанную, была свидѣтельствомъ, опытнымъ доказательствомъ несомнѣнности этой истины. И за это ихъ и ублажаетъ Св. Церковь. Она „стоитъ на крови мучениковъ“, потому что они свидѣтели, доказчики правды Ея проповѣди и дѣла. Таковъ смыслъ мученичества и сейчасъ въ Сов. Россіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ — не только въ непосредственномъ страданіи за Христа вся полнота мученичества. Она именно въ осуществленіи правды Христовой во всей жизни, борьба за эту правду. Кровь мучениковъ — великій долгъ лежащій на насъ — осуществить во всей жизни то, ради

чего они шли на смерть — доведение нашего сердца до огненнаго кипѣнія вѣрою во Христа, утвержденье во всей полнотѣ и совокупности жизни несомнѣнности иного бытія, иного міра, показаніе дѣломъ, что мы живемъ для вѣчности и все совершаемъ для нея. Это требуетъ рѣшительной переоцѣнки всѣхъ цѣнностей — невозможности примиренія съ существующимъ, рождаетъ волю и долгъ христіанскаго измѣненія существующаго. Тутъ правъ Алеша Карамазовъ, когда онъ разсуждаетъ, что „не могу вмѣсто того, чтобы слѣдовать за Христомъ, только ходить къ обѣднѣ, а вмѣсто того, чтобы „раздай все нищимъ и слѣдуй за мною“ подавать копеечки“. Все и цѣльно должно быть отдано Христу, все должны служить его дѣлу, явленію его правды. Мученичество въ наши дни — есть борьба за осуществленіе правды Христовой, за явленіе Христовой любви во всей полнотѣ жизни, во всей сложности житейскихъ обстоятельствъ. Нельзя быть христіаниномъ, и мириться съ окружающей неправдой. Нельзя укрываться отъ общей неправды за щитъ личной праведности и личнаго совершенствованія. Они нужны, но они не все. Кругомъ кровь, смерть — взять хотя бы статистику смертности на фабрикахъ, статистику пораженныхъ туберкулезомъ въ типографіяхъ, шахтахъ, и т. д. На всемъ, чѣмъ мы пользуемся въ нашемъ обиходѣ, есть сгустки крови. Этого нельзя забывать. Нельзя и отвѣтственности съ себя снимать. Поэтому — осуществленіе, свидѣтельство правды Христо-

вой есть борьба за иную, не только личную правду, но и за иную общественную правду. Но стоитъ только хотя бы частично встать на этотъ путь, какъ сразу же почувствуется, что это дѣйствительно „мученичество“, соучастіе въ страданіяхъ Христа, который грѣхъ міра понесъ на Себѣ. Нужно лишь до конца пережить то, что мы, живя въ мірѣ, пользуясь хотя бы ничтожными предмѣтами нашего обихода, соучаствуемъ въ грѣхѣ — и тягчайшемъ — „смерти ближняго“. Возьмемъ самую простую вещь — употребленіе спичекъ —. Стоитъ только представить, что большинство работающихъ на спичечныхъ фабрикахъ осуждены на преждевременную смерть — какъ станетъ яснымъ, что нельзя быть безмятежнымъ, нельзя успокоиться на томъ, что я иду путемъ праведнымъ, а въ томъ, что кругомъ, я не повиненъ. Самое сознаніе того, что всѣ за всѣхъ виноваты — есть принятіе страданій Христовыхъ, соучастіе въ нихъ. Но то, что вытекаетъ отсюда — требуетъ такого разрыва съ привычнымъ, такого отказа отъ кажущагося неустранимымъ, что человекъ приходитъ — во имя правды Христовой — въ столкновенье и противорѣчье со всѣмъ міромъ, подлинно — беретъ и несетъ крестъ. Вотъ первое расширеніе понятія страданія за Христа, расширеніе, утверждаемое самимъ церковнымъ именованіемъ мученичества. Отцы, особенно св. Златоустъ, не устаютъ повторять это — нужно свидѣтельство всей жизнью, не только личной но и общей — нужно мученичество въ дробной

и терпѣливой борьбѣ за осуществленіе правды Христовой во всей жизни. Соціальная неправда столь-же растрѣиваетъ душу, какъ и неправда личная. Онѣ не отдѣлимы. Путь личного совершенствованія долженъ быть въ Церкви связанъ съ путемъ соціального совершенствованія. Каждый въ своей жизни избираетъ тотъ или иной путь, не только въ цѣломъ, въ соборномъ, въ Церкви полнота. И поэтому — ни одинъ путь не долженъ быть взятъ въ отрывѣ и признанъ единственно спасающимъ.

Тутъ второй вопросъ — о сердцѣ. Да сердце, его жизнь и чистота, напряженная жизнь его — одно изъ главнѣйшихъ. Но и тутъ нужны существенныя оговорки и поясненія. Должна быть культура сердца, а не организація „умиленія сердца“. Умилиться легко, создать культуру сердца — чрезвычайно трудно. Она предполагаетъ строгій отборъ и требовательность. Умиленіе сплошь и кряду соскальзываетъ въ сентиментализмъ. И это всегда, когда у сердца нѣтъ „свѣта разума“. Возьмемъ такъ называемыя „умилительныя“, „душеполезныя“ рассказы, трогающіе до „слезъ“. Увы, какъ часто именно они и лишены „культуры сердца“, рассчитаны только на организацію — „умиленія“. Умиленіе, если оно остается только „умилениемъ“, не переходитъ въ суровую требовательность дѣла, предполагающую знаніе цѣли и средствъ осуществленія, не становится на путь „культуры“ (вѣдь, культура въ своемъ первомъ значеніи и въ своемъ основномъ содержаніи, остающемся и доселѣ — есть „куль-

товое“, священнодѣйственное осуществленіе и воплощеніе въ жизни того, чѣмъ „умилилось“ сердце) — если — повторяю — оно остается только „умилениемъ“, оно является разрушительнымъ и протихристіанскимъ началомъ. Оно рождаетъ нестерпимый и — можно прямо сказать — антихристовъ дуализмъ, — приводитъ къ тому, что „горятъ лампадки и благоухаетъ афонскимъ роснымъ ладаномъ“, а вмѣстѣ — совершаются величайшія преступленія, льются слезы. Рассказы Лѣскова — страшная иллюстрація къ этой организаціи умиленія безъ культуры сердца. Увы — мы такъ одичали въ этомъ отношеніи, что, дѣйствительно, часто не слышимъ, какъ „дурно пахнутъ мертвыя слова“. Должно быть образованіе сердца и проверка, отборъ того, что преподносится намъ въ качествѣ „матеріала для умиленія“. Во имя „умиленія“ даже въ церковныхъ изданіяхъ сѣется столько сомнѣній и соблазновъ, что „умиленіе“ становится развращеніемъ. Христіанство — религія Логоса — „Рождество Твое, Христе Боже, возсія намъ СВѢТЪ РАЗУМА“, „Христе, Свѣте истинный, просвѣщающій и освѣщающій всякаго человѣка грядущаго въ міръ.“ „Познаете истину и истина сдѣлаетъ васъ свободными.“ Это не умиленіе, а нѣчто иное. — Св. Апостоль Павелъ говоритъ: все испытайте, полезнаго держитесь.“ Моментъ отбора, проверки, контр о л я сердца долгъ Христіанина. И этотъ контроль — просвѣщеніе всего Свѣтомъ Христова Разума. Онъ исключаетъ организацію умиленія, ради умиленія Сердце растеть

въ своей требовательности, въ своемъ вкусѣ, все соотносить съ истиной Христовой, все переводить въ дѣйствіе — бѣжить „умиленія“, какъ только умиленія. Это и есть „культура сердца“, этого требуютъ наставленія Отцовъ о „блюденіи сердца“. Здѣсь мы подходимъ къ одному важнѣйшему положенію, которое можно формулировать такъ: „христіанство и особенно — православіе — требуютъ отъ человѣка высочайшей культурности“. Больше — безъ культурности нельзя быть христіаниномъ, въ томъ смыслѣ, что безъ культурности сама полнота христіанства остается не раскрытой. Скажете — „а наши святые?“ Отвѣчу — наши святые были величайшими культурными людьми своего времени. Я уже не говорю о греческихъ отцахъ и святителяхъ. — Они — какъ наприм. Св. Василій Великій, св. Григорій Богословъ за вѣщали, какъ христіанскій долгъ усвоеніе даже языческой культуры. — Наши святые, кажущіеся намъ „внѣкультурными“, на самомъ дѣлѣ выросли на корнѣ великой культуры. Прежде всего — все наше церковное богатство — есть культурное богатство. Оно предполагаетъ не „умиленіе“ (только) а прежде всего познаніе и трудъ надъ усвоеніемъ своего культурнаго богатства. Возьмемъ — наши „догматики“ — напримѣръ — 8 гласа — „Царь небесный за человѣколюбіе на земли явился“. Онъ можетъ „умилить“, но не этого онъ требуетъ и не для этого онъ написанъ. Онъ предполагаетъ познаніе и знаніе. Въ немъ скрытъ плодъ многовѣковой рабо-

ты спекулятивной-философско-богословской мысли, и къ ней онъ обращенъ. Иначе — онъ обѣдняется, не даетъ того, что долженъ дать. Возьмите въ этомъ догматикѣ слова „изъ Нея прошедый съ воспріятіемъ. Единъ сугубъ (двойствененъ) естествомъ, но не ипостасію“. Для того, чтобы они зазвучали — нужно вжиться въ систему мыслей и построеній всей греческой философии (христіанской) VI—VIII вѣковъ. А наши обряды? — Они всѣ полны глубочайшаго философско-символическаго смысла, предполагаютъ цѣлостныя системы міросозерцанія. Можно было бы безъ конца умножать примѣры. Смыслъ одинъ — православіе — религія величайшей культурности и требуетъ этой культурности. А иконопись? Подлинно — это „умозрѣніе въ краскахъ“. Все предполагаетъ не „умиленіе“, — а „изумленіе“, волю къ раскрытію, богословско-философскую культурность и культуру, „культуру сердца чрезъ Христовъ Разумъ.“ Тутъ то и выступаетъ неправда упрощеннаго пониманія словъ Св. Серафима о стяжаніи мира. Стяжать миръ значитъ вмѣстить въ сердце все богатство церковнаго содержанія, до конца причаститься къ Церковной культурѣ, къ богословію, къ догматикѣ. Стяжать миръ Христовъ — значитъ не только „умилиться“ или „быть благодушнымъ“, а вмѣстить всю боль міра и имѣть на нее христіанскій отвѣтъ, познать силу „примиренія“, совершеннаго І. Х. А это значитъ — познать силу Христову и въ личной судьбѣ, и въ судьбахъ міра, и въ исторіи. Св. Се-

рафимъ — потому и стяжалъ миръ, что онъ былъ въ „обладаніи“ всей полнотой церковной культуры и всей полнотой подвижничества за нее, дѣятельнаго осуществленія ея въ жизни и трудѣ. Св. Серафимъ зналъ писаніе наизусть, св. Серафимъ зналъ отцовъ церкви, а это значитъ — онъ жилъ полнотой культурнаго богатства христіанской философіи и богословія, полнотой подлинной культуры. И его завѣтъ — „стяжите миръ“ не означаетъ просто „находитесь въ состояніи покоя и тишины“, „организуйте умиленіе“, а именно — пройдите черезъ тяжести и муки, примите скорбь великаго познанія, напрягите всѣ силы для усвоенія полноты церковнаго богатства и устройте свою личность въ свѣтѣ, и правдѣ, и богатствѣ того, что дастъ вамъ этотъ трудъ и подвигъ. Св. Серафимъ — прежде чѣмъ „стяжать миръ“ имѣлъ подвигъ тысяченощнаго стоянія на камнѣ. Этого подвига тысяченощнаго стоянія на „камнѣ Церкви,“ трудового усвоенія богатства этого камня онъ требуетъ и отъ насъ, въ качествѣ условія стяжанія мира. Когда думаютъ, что можно побѣдить безбожіе только чистотой вѣры, явленіями и знаменіями, рождающимся отсюда умиленіемъ, то — пожалуй — стоятъ совсѣмъ въ сторонѣ отъ борьбы съ безбожіемъ. Основная тоска многихъ безбожниковъ совсѣмъ не въ отсутствіи праведной жизни, а въ боли за общую неправду жизни. Чѣмъ

выше праведность въ индивидуальной жизни, тѣмъ острѣе сознание неправды въ цѣломъ, тѣмъ яростнѣе борьба съ Богомъ, неприятие міра, имъ созданнаго сознание бессмыслицы жизни въ цѣломъ. „Вы даёте удивительные образцы чистой жизни — какъ бы такъ говорятъ они намъ, но вы своей чистотой ни на капелку не уменьшаете бессмыслицы міра, ни на сотую долю не просвѣтляете общаго мрака, и мы ненавидимъ Васъ — Вы — обманщики, соглашатели. Вы миритесь на небольшой личной и при томъ призрачной, эфемерной правдѣ и забываете о цѣломъ. Вы покупаете призракъ разрѣшенія цѣной предательства всего, цѣной искуственнаго отгораживанія отъ зла въ мірѣ“. — Эту боль безбожія надо понять и принять. Въ ней — одинъ изъ корней и при томъ — основныхъ безбожія. Марксизмъ потому и тянетъ, что онъ обѣщаетъ именно побѣду надъ мировымъ зломъ, что онъ указываетъ (ложный, но трудно сознаваемый въ ложности) путь дѣйствія, подвига строительства. И нужно познать и его правду, и его неправду. Нужно понять боль, на которую онъ отвѣчаетъ, и дать Христовъ отвѣтъ на нее. Не каждый долженъ изучать марксизмъ, но тотъ, кто „заболѣлъ этимъ“ — заболѣлъ праведно, и нельзя, вмѣсто изученія марксизма, призывать обратиться къ крестному ходу. Въ разныхъ плоскостяхъ лежатъ корни боли.

Блаженный Августинъ.

(† 28 авг. 430—1930).

Полторы тысячи лѣтъ тому назадъ въ африканскомъ городѣ Гиппонѣ, стѣны котораго осаждались полчищами вандаловъ, угасалъ одинъ изъ замѣчательныхъ людей мировой исторіи, — блаженный Августинъ.

Аврелій Августинъ родился въ 354 году въ городкѣ Тагастѣ, въ Нумидіи, въ сѣверной Африкѣ. Отецъ его былъ язычникъ, а мать, по имени Моника, благочестивая христіанка. Такъ уже въ своей семьѣ пришлось видѣть Августину величайшее культурное и религиозное противорѣчіе между угасающимъ язычествомъ и юнымъ христіанствомъ —, то противорѣчіе, которое его гениальный духъ изжилъ, давъ незабываемый образъ духовной красоты.

Западная Римская Имперія падала, расшатанная глубокими внутренними кризисами; могущество ея изсякало, подтачиваемое извнѣ напоромъ германскихъ народовъ, чуждыхъ по культурѣ Риму и полныхъ національной энергіи, не хватавшей уже державѣ цезарей. Римская культура теряла свой блескъ и внутреннее содержаніе и отъ быстро распространенія христіанства. Вся система римскаго мировоззрѣнія духовно вывѣтрилась, но крѣпка была еще сила ея традиціи, и потому неудивительно, что и молодой Августинъ находился подъ обаяніемъ величественнаго заката римскаго міра.

Какъ это обаяніе исчезло, намъ рассказалъ самъ Августинъ въ своей „Исповѣди“, въ замѣчательнѣйшей автобіографіи человѣческаго духа всѣхъ временъ и народовъ. Это великая книга покаянія человѣка, сначала римскаго ритора, плѣннаго манихействомъ, ставшаго скептикомъ, увлекающагося потомъ платонизмомъ и, наконецъ, нашедшаго покой у Амвросія, архіепископа миланскаго. Здѣсь въ 387 году Августинъ принялъ христіанство. Такъ кратко можно намѣтить пути „обращенія“ Августина, какъ онъ его самъ называлъ.

Дальнѣйшая жизнь Августина, сначала пресвитера, потомъ епископа г. Гиппона протекала въ борьбѣ съ еще недавно близкимъ ему язычествомъ и съ ересями въ побѣдоносной Церкви. Одно временно и Августинъ самъ продолжалъ трудный путь аскетическаго подвига христіанина, намѣчая вѣхи христіанскаго мировоззрѣнія и нравственныхъ основъ общественной жизни. Плодомъ этого явились замѣчательныя его мысли, изложенныя въ „Исповѣди“ и „Градѣ Божіемъ“ („De Civitate Dei“), въ которомъ мы находимъ первую попытку философіи исторіи и притомъ христіанской. Семидесятилѣтнимъ старцемъ закончилъ Августинъ свой трудъ, переживъ въ 410 году разгромъ вестготскими полчищами великаго Рима. Событіе это про-

извело огромное впечатлѣніе на умы современниковъ. Для Августина оно олицетворяло духовный крахъ языческаго міра. Поэтому понятно, что, вскрывъ его язвы и найдя тамъ только „дѣло рукъ человѣческихъ“, онъ противопоставилъ ему идеальное изображение „духовнаго града“ — христіанское государство, „Градъ Божій“.

Идеи Августина въ исторіи католическаго средневѣковья, считавшаго его своимъ духовнымъ учителемъ, не только не получили полного отраженія, но даже подверглись искаженію. Христіанское миролюбіе Августина не было по сердцу папамъ, занятымъ суетой міроваго владычества. Теократія Августина — нравственный порядокъ устройства христіанской вселенской общины — совершенно противоположна папской теократіи — папоцезаризму. Потому Августинъ всечеловѣченъ и дорогъ всему культурному міру.

Идеи „Града Божія“ были выдвинуты Августиномъ, какъ положительныя начала, послѣ того, какъ онъ подвергъ жестокой критикѣ языческой міръ. Послѣдній въ своемъ міросозерцаніи основывался главнымъ образомъ на абсолютизированіи идеи земнаго государства и идеаломъ для человѣка считалъ развитіе чувствъ гражданскаго долга, „доблести“ — „virtus“, которая должна была служить государству и только ему. Римъ, „рах Рома“ (Римскій міръ) для римскаго гражданина уже были сами религіей. Весь идеалъ заключался въ служеніи только земнымъ цѣлямъ.

Первыя десять книгъ своего труда Августинъ посвятилъ на рас-

крытіе грѣха этого земнаго государства, которое для него не что иное, какъ „большое разбойничество“ — „magnum latrocinium“. Если это государство было построено на гордости, самовозвеличеніи человѣка, враждѣ и пренебреженіи къ Богу, — то „градъ Божій“ раскрывалъ предъ глазами вѣчное царство, отображаемое въ Церкви, скитающейся на землѣ, воплощаемой въ христіанской общинѣ. Въ идеалѣ она должна включить въ себя земныя государства, преобразить ихъ и слить въ одно вѣчное цѣльное царство. Градъ Божій строился на любви, подвигѣ, самоотреченіи и служеніи Богу. Августинъ долженъ былъ признать, что царство это не сомкнуло своего эмпирическаго круга: оно проявлялось лишь эпизодично въ судьбахъ еврейскаго народа и, наконецъ, въ жизни христіанской общины, въ становящейся католической (для Августина = вселенской) церкви. Если вся исторія человечества, съ его точки зрѣнія, есть борьба между царствомъ Бога и дьявола, то въ этой борьбѣ Церковь есть главная сила для побѣды и спасенія душъ человѣческихъ въ градѣ Божіемъ. Только пребываніе въ Церкви обуславливало для Августина спасеніе. Градъ Божій не ставитъ себѣ задачъ суетныхъ: мысли о земномъ могуществѣ, обширности и видѣ власти. „Нотомогитурус“ (подвластный смерти человѣкъ) долженъ думать о другой, вѣчной власти надъ собой и своими страстями. Не тусклые горизонты земнаго міра должны влечь его взоры, а лучезарный сводъ небеснаго града, гдѣ вѣчно сіяетъ солнце, не знающее заката,

олицетворяющаго смерть. Последняя есть жительница земли, на которой поэтому относительны блага личныя, семейныя, общественыя и государственныя. Однако, аскетическій паѳосъ Августина не отрицаетъ ихъ, какъ абсолютно ненужныхъ, „какъ зло. Нѣтъ, и они могутъ стать нужными и добрыми, если церковь будетъ ихъ регулировать и освящать. Но они должны быть основаны на нравственныхъ началахъ. Культура не только сумма человѣческаго творчества, но и творчество въ человѣческомъ духѣ; она долж-

на способствовать нравственному росту человѣческаго общежитія. Въ ней долженъ жить духъ высшаго порядка, ея сердце должно биться религіознымъ паѳосомъ.

Вѣка прошли съ тѣхъ поръ, какъ эти мысли повѣдалъ Августинъ міру, и оглянувшись вокругъ себя, мы видимъ, что человечество все еще живетъ въ рамкахъ первыхъ десяти книгъ „Града Божія“. Не пора ли открыть книгу одиннадцатую и серьезно задуматься надъ созиданіемъ въ мірѣ Града Божія? И. Смоличъ.

Берлинъ,

Н. Ф. Федоровъ. Ученіе.

(Человѣческая активность и послѣднія судьбы міра.)

„Сынъ Человѣческой пришедшей найдеть ли вѣру на землѣ?“ Этотъ евангельскій вопросъ по убѣжденію Н. Ф. Федорова явно предполагаетъ возможность двоякаго отвѣта. Проблема человѣческой активности, участія во всемъ томъ, что можетъ и должно быть называемо Дѣломъ Божіимъ — тѣсно связаны для него съ вопросомъ объ условности, такъ называемыхъ, пророческихъ угрозъ.

Признаніе пророческихъ (въ частности, евангельскихъ и апокалипсическихъ) предвѣщаній безусловными, вытекаетъ — по Федорову — исключительно изъ интеллигентскаго, книжническаго, фарисейскаго, „ученаго-подхода къ вопросу“. „Для ученыхъ пророкъ есть, пишетъ онъ, созерца-

тель, т. е. ученый, имѣющій своимъ предметомъ знаніе будущаго, какъ событія роковаго, фатальнаго. Евангеліе же, согласно со священнымъ дѣленіемъ древности, знаетъ „законъ и пророки“, т. е. знаетъ законъ и обличителей беззаконія, влекущаго за собой кару наказанія городу, народу и всему міру, однако не ф а т а л ь н о, что было бы научно, но не религіозно, или было бы истиною только для сословія, обреченнаго не бездѣйственное мышленіе.“

„Отъ принятія той или иной точки зрѣнія на значеніе закона и пророковъ, продолжаетъ Н. Ф., зависитъ взглядъ на безусловность или условность кончины міра. Разсмотрѣніе пророчествъ о ней надо начинать съ проро-

чества о гибели Ниневіи. Если книгу Іоны, перваго пророка первой міровой имперіи, слѣдуетъ признать общимъ вступленіемъ въ отдѣлъ пророческихъ книгъ, не ветхозавѣтныхъ только, но и новозавѣтныхъ то все сказанное противъ безусловности пророчества о разрушеніи Ниневіи еще съ несравненно большею силою можетъ быть сказано и противъ безусловности пророчествъ о разрушеніи всего міра, ибо Богъ пророка Іоны, есть и Богъ творца Апокалипсиса. Было бы большою дерзостью подумать, что Христосъ могъ высказать сожалѣніе о неисполненіи пророчествъ о разрушеніи міра“.

„Для многихъ впрочемъ, добавляетъ Н. Ф. Федоровъ, самый вопросъ объ условности кончины міра, самое желаніе видѣть его спасеннымъ представляется уже ересью. Но, — продолжаетъ онъ — такимъ безжалостнымъ мыслителямъ, превращающимъ Создателя міра въ губителя его, придется забыть слишкомъ ясные слова Спасителя міра, что Онъ не желаетъ гибели ни единого, а хочетъ, чтобы всѣ спаслись и въ разумъ истины пришли. Позволяемъ себѣ думать — говорить Федоровъ, что пророчество о страшномъ судѣ условно, какъ условно пророчество Іоны, какъ и всякое пророчество, ибо всякое пророчество имѣетъ воспитательную цѣль, имѣетъ въ виду исправленіе тѣхъ, къ кому обращено, и не можетъ осуждать на безусловную гибель всѣхъ и при томъ даже тѣхъ, которые еще не родились. Если бы это было такъ, то какой смыслъ, какую цѣль могло имѣть проро-

чество? Огорченіе пророка Іоны, когда его пророчество не исполнилось, осуждено, поставлено ему въ вину.“

„Предсказывать можно лишь злое, — пишетъ Н. Ф. Федоровъ въ одномъ изъ своихъ писемъ — какъ слѣдствіе бездѣйствія и слѣпоты, какъ побужденіе къ дѣйствию и знанію. Доброе можно лишь дѣлать. Доброе и благое можно не предсказывать, а лишь предуказывать, направлять въ одно сознательное дѣйствіе.“ Съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ, почему глашатаямъ „благой вѣсти“ усвоено было названіе апостоловъ, а не пророковъ. Для обоснованія своей мысли Н. Ф. обращается къ практикѣ церковной жизни. По мнѣнію Федорова, основной смыслъ Символа вѣры впервые можетъ быть обнаруженъ при поставленіи на первое мѣсто (по практическому смыслу, по „ударности“) послѣднихъ двухъ членовъ („чаю воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка“). Для осуществленія чаемаго (вѣра по апостолу есть „осуществленіе ожидаемаго“), „необходимое наученіе, крещеніе (10 членъ) долженствующее соединить всѣхъ во всеобщемъ дѣлѣ (т. е. создать Церковь) (9 членъ). Въ 8 членѣ говорится о духѣ Божіемъ, въ ветхомъ завѣтѣ глаголавшемъ только черезъ нѣкоторыхъ людей (пророковъ); въ новомъ Завѣтѣ Духъ воодушевляетъ уже всю Церковь и руководитъ ею въ осуществленіи дѣла, для котораго и совершилось, (т. е. должно совершиться) объединеніе — дѣла нашего спасенія отъ смерти и суда (по слову Іоанна

Богослова вѣрующей „и на судъ не придетъ, но пройдетъ отъ смерти въ животъ“).

Тотъ же порядокъ, полагаетъ Н. Ф., раскрывается и въ послѣдовательности нашего церковнаго года, особенно великопостнаго и пасхальнаго круга. Онъ обращаетъ вниманіе на особое положеніе слова І. Златоустаго въ службѣ пасхи и пишетъ „идея общаго спасенія“ съ особой силой выражена въ проповѣди Іоанна Златоуста („Аще кто благочестивъ и боголюбивъ“). Если она сдѣлалась неотдѣлимой принадлежностью пасхальной службы, если ни одна изъ другихъ не удержалась, ни одна изъ послѣдующихъ проповѣдей не замѣстила ея, слѣдовательно, заключаетъ онъ, проповѣдь Златоуста составляетъ наилучшее выраженіе праздника пасхи.“

Эту же мысль онъ находитъ и въ службахъ, подводящихъ къ Пасхальной недѣлѣ. „Приготовленіе къ величайшему празднику изъ праздниковъ начинается съ недѣли о мытарѣ и фарисеѣ. Далѣе подчеркивается притча о блудномъ сынѣ, долженствующая возбудить въ насъ и большую радость объ одномъ кающемся, чѣмъ о 99 праведникахъ, и вмѣстѣ предостеречь отъ признанія за собой какихъ либо правъ, какъ это сдѣлалъ старшій сынъ Отца... Слѣдующая недѣля Страшнаго Суда... дѣлаетъ cadaго своимъ страшнымъ судіею. Представляя взору картину Страшнаго Суда, она заставляетъ, такъ сказать, cadaго зрителя назначить себѣ мѣсто въ ней.“

„Недѣля передъ постомъ и первые два дня Страстной посвя-

щены на поминанію суда, тогда какъ день Пасхи не омрачается на поминаніемъ о вѣчномъ наказаніи; оно даже немислимо при этомъ.“ Поэтому, говоритъ онъ, „принимая во вниманіе, что обрядъ несравненно труднѣй измѣнить, чѣмъ догматъ, (послѣдній часто рождается изъ перваго, т. е. изъ обряда рождается догматъ) мы можемъ сказать, что судъ, какъ только предварительная угроза а воскресеніе, какъ предметъ труда, укоренились въ обрядѣ, хотя и не приведенномъ еще въ сознаніе. И только, въ такъ называемыхъ, догматическихъ богословіяхъ и катехизисахъ драма человѣческая имѣетъ фатальную развязку въ видѣ — deus ex machina. Истинная же догматика, выраженная въ Символѣ Вѣры, болѣе сообразна съ церковнымъ гогомъ, чѣмъ съ катехизисами...“

По мысли Н. Ф., въ первые вѣка христіанства идея всеобщаго всемірнаго спасенія создалась очень отчетливо. Въ видѣніи Карпа Христосъ упрекаетъ послѣдняго за то, что тотъ принималъ участіе въ отправленіи грѣшниковъ въ адъ. Въ видѣніи Христіны, Христіна на задумываясь готова промѣнять райское житіе, гдѣ она видѣла бы мученіе грѣшниковъ, на земную жизнь, гдѣ она можетъ молиться за нихъ. Эта традиція живетъ и доселѣ въ подвижническомъ мистическомъ опытѣ, направленномъ къ приобрѣтенію „сердца милующаго,“ горячаго любовію ко всѣмъ и ко всему безъ всякаго исключенія. Въ образахъ, созданныхъ народной религіозной фантазіей, запечатлѣнныхъ въ

лучшихъ созданiяхъ древне-русской письменности и въ новѣйшей художественной литературѣ, вмѣсто ужаса, гнѣва и мести слышатся все тѣже неотступные требованiя „сердца милующаго“.

Впрочемъ картина страшнаго суда — обычная принадлежность западной стѣны храма, — картина катастрофической гибели мірозданiя, или, по крайней мѣрѣ, земли и человѣчества, по мнѣнію автора „Философiи общаго дѣла“, должна быть сохранена, но истолкована, какъ угроза для оглашенныхъ, какъ угроза для человѣчества непришедшаго еще въ разумъ (не вошедшаго въ глубину храма) и не понявшаго цѣли объединенiя.

„Гибель неизбежна... только въ томъ случаѣ, если не проснется соборный разумъ, если объединенiе не состоится.“

Спасенiе „гдѣ то тамъ“ послѣ смерти, послѣ гибели, въ иномъ мiрѣ, притомъ спасенiе для немногихъ въ созерцательномъ бездѣйственномъ раю, — это по Федорову „рай для несовершеннолѣтнихъ“. По мѣрѣ достиженiя возраста мужа совершеннаго въ сознанiи людей уясняется необходимость и красота трудового рая вмѣсто чаемаго дарового: „рай долженъ быть произведенiемъ всего человѣчества, всѣхъ его силъ и способностей, результатъ полноты знанiя, глубины чувства и энергiи могучей воли“.

Какъ же понять евангельскiя угрозы? „Для умѣющихъ читать, отвѣчаетъ Н. Ф. Федоровъ, должно быть яснымъ, что Евангелiе (и не Іоанново только) не признаетъ безусловной кончины міра, а указываетъ только, что если люди

послѣ всѣхъ бѣдствiй не примутъ Евангелiя, т. е. не объединятся и не исполнятъ своего долга къ умершимъ, — тогда послѣдуетъ воскрешенiе противъ ихъ воли“.

„Предсказанiя о кончинѣ міра сохраняютъ свою силу въ смыслѣ пророчества условнаго. Признаки кончины міра такъ понимаемой (т. е. вполнѣ возможной при нераскаянности, при необращенiи на правый путь) признаки кончины міра, предсказанные Евангелiемъ, уже и сейчасъ являются въ полной силѣ. Возстанiе сыновъ на отцовъ, утвержденiе превосходство младшаго поколѣнiя надъ старшимъ, особенно въ нравственномъ отношенiи, возводится въ законъ. Прогрессъ опредѣляется, какъ превосходство младшихъ надъ старшими и живущихъ надъ умершими, ученика надъ учителемъ. Войны, милитаризмъ находятъ себѣ оправданiе въ законѣ борьбы, какъ услови прогресса“.

Съ точки зрѣнiя близости христіанскихъ вѣроисповѣданiй къ осознанiю и осуществленiю идеи всеоб. спасенiя. Н. Ф. Федоровъ оцѣниваетъ три основныхъ вѣтви христіанства (православiе, католичество, протестантизмъ). Для Н. Ф. Федорова въ идеѣ нѣтъ ничего выше православiя. Но православiе страдаетъ рѣзкимъ несоотвѣтствiемъ идеи съ дѣйствительностью. Для осуществленiя ея православiе должно осознать свою идею. Осознанiе происходитъ въ литургическомъ осмысленiи жизни, въ прiятии активной апокалиптики. Провозглашенiемъ ея устраняются соблазны, черезъ четкое отмежеванiе православiя отъ ближайшихъ сосѣдей като-

личества, протестантизма и старообрядческаго раскола.

Католицизмъ для Н. Ф. Федорова есть искаженiе христіанства, замѣна дѣла, производяшаго воскрешенiе, дѣлами, которые не производятъ оживленiя, а только заслуживаютъ безсмертiя, освобожденiя и чистилища. Протестантизмъ для него не уничтожаетъ искаженiя (католицизма), а только замѣняетъ католическіе дѣла мыслью. „Въ католическомъ насилiи и въ протестантской розни, заключаетъ Н. Ф., проявляется отреченiе отъ христіанства, антихристіанство. Католицизмъ и протестантизмъ могутъ быть названы могильщиками христіанства“.

Столь суровое отношенiе Н. Ф. Федорова къ инославнымъ исповѣданiямъ не имѣетъ ничего общаго съ конфессіональною узостью. Онъ думаетъ о задачѣ соединенiя церквей. Ходъ этого возсоединенiя предносится ему въ такой послѣдовательности. Поскольку обѣ западныя религiи, несмотря на проявленное въ нихъ противленiе христіанству, все же остались христіанствомъ въ коренной основѣ, остались „религiями воскрешенiя“, поскольку вопросъ о соединенiи церквей становится вопросомъ о включенiи въ православiе всего отпавшаго, отдѣливашагося. Такое включенiе является прежде всего предметомъ молитвы: „не молиться за отдѣлившихся — говоритъ Н. Ф., значитъ не признавать церковь вселенскую, католическою“. Начало примиренiя по его мысли (соборъ) должно выразиться „во взаимномъ внесенiи именъ отцовъ церкви, отцовъ знанiя и проч. восточными

западныхъ, и западными восточныхъ въ свои синодики“. Имена и изображенiя „враговъ“ Федоровъ даже предлагаетъ помѣстить въ церкви (на сводѣ храма) — поставленiе ихъ на первомъ планѣ передъ нашими глазами, молитва о нихъ, (въ молитву входитъ и изслѣдованiе, какъ дѣйствіе разума) есть вѣрнѣйше начало настаивающаго „нашего примиренiя съ ихъ одновѣрцами, ихъ соотечественниками, ихъ близкими“.

Послѣ „примиренiя“ торжество православiя должно выразиться въ организациі „общаго дѣла“, къ которому, „когда оно будетъ отчетливо осознано и провозглашено, не можетъ не примкнуть множество иновѣрцевъ и вовсе не вѣрующихъ“, чрезъ это они „и станутъ какъ бы оглашенными разныхъ степеней, участниками вселенской литургiи“. Н. Ф. Федоровъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что всѣ враждующіе противъ христіанства — враждуютъ по недоразумѣнiю и по недомыслию. Христіанство же какъ разъ и должно быть общимъ дѣломъ всѣхъ — и материалистовъ и идеалистовъ, пессимистовъ и оптимистовъ. „Христіанство утверждаетъ онъ, выше всѣхъ партій: у него нѣтъ и не можетъ быть враговъ. Вражда противъ христіанства есть лишь недоразумѣнiе (письмо къ Кожевникову). Недоразумѣнiе должно „доразумѣть — довести до разума людей, не вѣдающихъ, что творятъ: надо сообщить недостающее имъ вѣдѣнiе.“ Для него гонители христіанъ — „это ученики начинающаго класса, иногда очень способные, но буйные. Они преслѣдуютъ и тѣмъ самымъ на-

учаются слѣдовать. Всякій гонитель это будущій сотрудникъ, сотрудникъ въ общемъ дѣлѣ, еще недостаточно обученный и портящій драгоценный матеріалъ, но образованіе всего драгоценнѣй: одинъ, кровію Стефана приобрѣтенный, Савль ускорилъ ростъ Церкви, какъ никто изъ апостоловъ. Итакъ, вражда противъ христіанства есть неразуміе, недоразумѣніе. Исторія волей или неволей, работаетъ въ пользу христіанства. Всѣ отклоненія или отступленія обусловлены неполнымъ осознаніемъ хранимой церковью истины.*)

Н. Ф. Федоровъ настаиваетъ на томъ, что гонители христіанства „желая удалиться отъ христіанства, неожиданно приближались къ нему съ новыхъ сторонъ, открывали въ немъ новыя и новыя грани.“

Всѣ бывшія въ исторіи и возможные въ будущемъ противохристіанскія ученія учитываются имъ, и даже какъ бы привѣт-

*) Въ этихъ утвержденіяхъ съ новой силой обнаруживается основной порокъ всей системы Н. Ф. Федорова — непониманіе природы зла. Зло — для него только — „теоретическое заблужденіе“, грѣхъ — слѣдствіе „недомыслия“. Н. Ф. Федоровъ до конца интеллектуалистиченъ. Онъ не можетъ ни понять, ни пережить бездонности свободы во грѣхѣ. Самоулаженіе зла, зло ради зла, „чистое зло“ — вотъ что осталось незамѣченнымъ Н. Ф. Федоровымъ, выпало изъ его анализовъ жизни и міра, ослабило его систему. Нечувствіе того, что зло коренится не въ интеллектѣ, а въ сердцѣ, что оно глубочайшимъ образомъ связано со свободой приводитъ къ тому, что Н. Ф. Федоровъ не понимаетъ основного въ Христіанствѣ — связи Воскресенія съ Крестомъ и Голгофой . . . Кресту и Голгофѣ, собственно, нѣтъ мѣста (органическаго) въ системѣ Н. Ф. Федорова. (Редакц.)

ствуются, въ качествѣ „вѣтра, которому суждено разжечь костеръ подлинно христіанской идеи,“ выявить планъ космическаго преобразования, таящійся въ основѣ догматическихъ построеній, символовъ и культовой обрядности христіанства. „Заповѣдь наученія всѣхъ народовъ, говоритъ онъ, до сихъ поръ еще не исполнена. Миссіонеровъ нужно столько, сколько различныхъ должностей, профессій; всѣ онѣ должны быть миссіонерскими, т. е. служить не своему прибытку, а общему благу.“

Съ точки зрѣнія Н. Ф. Федорова Христіанство сейчасъ не выяснило еще своей задачи:

„Не имѣя общаго дѣла христіанство стало индивидуализмомъ, т. е. спасеніемъ только личнымъ, вмѣсто общаго спасенія. Вытѣсненное изъ дѣйствительной жизни, христіанство сдѣлалось лишь духовнымъ спасеніемъ, а не воскресеніемъ во плоти.“ Вслѣдствіе этого, оно „должно было удалиться изъ міра, стать внемірнымъ, оставивъ родъ человѣческой въ подчиненіи слѣпой силѣ.“ Настоящее бездѣйственное христіанство есть компромиссъ между религіей и наукой, т. е. взаимное ихъ стѣсненіе. Христіанство же, какъ общее дѣло, есть не компромиссъ, въ которомъ стѣснены обѣ стороны, а такой союзъ, при которомъ наука изъ безучастной и враждебной дѣлается живоносною, а религія догматизмъ превращаетъ въ проєктивизмъ, индивидуализмъ въ универсализмъ, въ универсализмъ истинный, дѣйствительный, обнимающій всѣ поколѣнія, а не ограничивающійся однимъ лишь живущимъ поколѣніемъ, какъ уни-

версализмъ научный; спиритуализмъ же религія превращаетъ во всемірный реализмъ (воскресеніе во плоти).“

Индивидуализація и спиритуализація христіанства — были какъ бы временнымъ отходомъ его на оборонительную линію окоповъ. Въ литургическомъ пониманіи и воспріятіи христіанской исторіи, всецѣло сохраненномъ лишь въ традиціи восточной церкви, такая индивидуализація и спиритуализація никакъ не можетъ считаться предѣломъ достижений. Это лишь выраженіе крайней немощи и слабости человѣческаго начала въ церкви. Эра литургическаго — соборнаго и реального дѣйствія — окажется давно жданной апокалиптической эрой. Тѣмъ самымъ къ христіанству привлекается все „одаренное сильными умственными способностями“, все творчески одаренное, все переполненное энергіей и активностью; новое „христіолобивое воинство“ перейдетъ въ контръ атаку на слѣдую смертноую силу.

Это задача новаго VIII вселенскаго собора.

Этотъ соборъ не можетъ быть вселенскимъ по одному лишь своему названію. Если на немъ не будутъ осознаны вселенскія задачи православія, то, нѣтъ сомнѣнія, соблазны темной силы для подавляющаго большинства окажутся неотразимыми. Подлинный вселенскій соборъ, по мнѣнію Ф. Федорова, въ настоящее время долженъ быть одновременно „собраніемъ представителей всѣхъ специальныхъ знаній — науки — должно быть соединеніемъ двухъ

сѣздовъ историко-археологическаго и естественно-научнаго, ученыхъ свѣтскихъ и духовныхъ“.

Къ совокупности этихъ ученыхъ представители христіанской и церковной истины должны будутъ обратиться съ вопросомъ Московскаго митрополита Филарета: „Неужели вы думаете, что съ земли на небо нѣтъ другой дороги, кромѣ той, которая лежитъ черезъ гробъ и могилу?“

И вслѣдъ за тѣмъ, общими усилиями всѣ начнутъ искать и строить эту другую дорогу“.

* * *

Въ очеркахъ, которые будутъ напечатаны въ „Вѣстникѣ“ въ 1934 году, будетъ приведенъ матеріалъ, рисующій современную судьбу идей Н. Ф. Федорова. Онѣ не умерли. Многие изъ совершающагося сейчасъ, особенно въ сов. Россіи, заставляетъ глубоко задуматься надъ построеніями и призывами автора „Философіи общаго дѣла“.

Достаточно указать, какъ это и было сдѣлано въ предисловіи, что грандіозная задача „регуляціи космическихъ процессовъ“ и „побѣды надъ смертью“, поставленная Федоровымъ, воспринята антирелигіознымъ сознаниемъ, обращена имъ противъ религіознаго сознания. Вліяніе идей Н. Ф. Федорова начинаетъ сказываться и внѣ Россіи.

Система Н. Ф. Федорова ставитъ предъ православнымъ религіознымъ сознаниемъ рядъ существенныхъ вопросовъ, требуетъ на нихъ православнаго отвѣта.

Злоба и безуміе.

(Къ событіямъ 10. IX. 33. въ Почаевской лаврѣ.)

У самаго края бывшей Россійской Имперіи, возлѣ бывшей границы съ Австріей, находится величественный, видный за десятки верстъ, монастырь — Лавра Почаевская, одна изъ величайшихъ святынь Россіи въ недавнемъ прошломъ, самая большая святыня православныхъ въ Польшѣ, въ настоящемъ.

Въ сѣдую старину, когда гора Почаевская находилась въ предѣлахъ Галицко-Волинскаго княжества, люди, ищущіе пустынножительства, избрали ее мѣстомъ молитвенныхъ устремленій къ Богу, мѣстомъ духовныхъ подвиговъ и размысленій о величій Творца, о судьбахъ міра и земли родной. Здѣсь, на горѣ Почаевской, вначалѣ 13 вѣка явилась молящимся инокамъ въ огненномъ столпѣ Богоматерь и оставила слѣдъ стопы своей на камнѣ. Въ память этого чудеснаго явленія, иноки построили у подножія горы деревянный храмъ въ честь Успенія Пресвятой Богородицы.

Шли года, десятки лѣтъ, столѣтія. Русь боролась, падала въ борьбѣ, побѣжденная, опять вставала, вновь начинала борьбу, не страшилась судьбы своей, твердо вѣрила въ помощь Божию, въ заступничество Богоматери, явившейся въ столпѣ огненномъ на Почаевской горѣ.

Прошли вѣка. Отдѣльные княжества слились въ мощное госу-

дарство, а маленькая церковь, построенная иноками у горы Почаевской, стала величественнымъ монастыремъ. О Почаевской Лаврѣ знали даже въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ Россіи. Ежегодно тянулись сюда тысячи, десятки тысячъ богомольцевъ, несли сюда радости, горе, страданія, боль — все изливали предъ чудотворнымъ образомъ Богоматери, предъ нетлѣнными останками Преподобнаго Іова, Игумена и Чудотворца Почаевскаго, уходили отсюда просвѣтленными, обрадованными, исцѣвленными.

Всѣмъ одинаково привѣтливо открывала Лавра свои ворота, каждый желающій могъ получить въ монастырской гостинницѣ бесплатный ночлегъ, обѣдъ, завтракъ, ужинъ. Иноки принимали каждого, не спрашивая, какой губерніи или національности пришлецъ. Зачѣмъ спрашивать? Коли въ монастырь пришелъ, — значитъ — Бога ищетъ . . . Помолится и уйдетъ съ миромъ.

Мѣняется исторія, рушатся государства, создаются новыя, а Лавра Почаевская величественно стоитъ и смотритъ на проходящія поколѣнія, дивно сияетъ чудотворный образъ Богоматери въ главномъ храмѣ Лавры, несутся къ нему сокровенныя тайны душъ людскихъ.

Теперь Почаевъ въ предѣлахъ Польской Республики. Обѣднѣлъ монастырь — отобраны у него

государствомъ земли, обложенъ онъ высокими налогами, меньше приходитъ вѣрующихъ: почти вся православная Русь находится за кровавой границей, а оставшаяся горсточка православныхъ подѣлилась на партіи и ссорится изъ за вопроса, на какомъ языкѣ лучше молиться Богу.

Потемнѣла позолота иконъ, отваливается краска, кое гдѣ треснули стѣны, текутъ крыши. Сурово и скорбно смотрятъ со стѣнъ лики святыхъ — думаютъ о судьбѣ людей, забывающихъ святыни свои. Обѣднѣла лавра Почаевская, но попрежнему гостеприимно открыты ворота монастырскія, попрежнему, — хотя и въ потускнѣвшемъ храмѣ, — можно излить свою душу передъ чудотворнымъ образомъ Богоматери.

Такъ же привѣтливо и радушно открылись монастырскія ворота 10 сентября 1933 года. Красиво и мощно гудѣлъ большой монастырской колоколь, сзывая вѣрующихъ на молитву, на торжество церковное. День этотъ (стар. стиль 28 августа) — день памяти основателя св. обители — Преподобнаго Іова, Игумена и чудотворца Почаевскаго, совпалъ съ чествованіемъ десятилѣтія епископскаго служенія Блаженнѣйшаго Діонисія, главы молодой автокефальной православной церкви въ Польшѣ. Нѣсколько тысячъ народа собралось, чтобы помолиться, поклониться нетлѣннымъ останкамъ Преподобнаго Іова и, вмѣстѣ, почтить своего теперешняго духовнаго руководителя, своего перваго епископа и духовнаго отца.

Торжественная монастырская служба подходила къ тому мо-

менту, когда мощи Преподобнаго обносятъ вокругъ Лавры, останавливаются на самомъ высокомъ мѣстѣ и подъ многократное „Господи помилуй“ три раза высоко поднимаютъ и опускаютъ их.

Въ моментъ, когда процессія подошла къ этому мѣсту, и подъ торжественное „Господи помилуй“, останки Преподобнаго начали подымать вверхъ, что то дрогнуло въ спокойствіи и мирѣ божественной службы, въ молитвенные звуки пѣснопѣній ворвались чьи то злобные крики, рѣзко нарушившіе величіе минуты. Взоры молящихся оторвались отъ Гроба Преподобнаго, обратились къ толпѣ и увидали надъ ней — тутъ же, въ двухъ шагахъ отъ св. мощей и хоругвей — желто-голубые плакаты съ надписями: „За видродженія українськихъ традицій въ Православній Церквѣ“, „За українського звѣрхняка въ Православній Церквѣ“, „Геть з русофільскою та московською ієрархією“, „Геть з московськими консисторіями“. Люди, державшіе ихъ, что то злобно кричали. — Дикая картина! Глаза невольно обратились къ небу, какъ бы ища тамъ разгадки, но увидали, что высоко на монастырской колокольнѣ болтается саженный украинскій флагъ. Служба на мгноvení прервалась, лица священнослужителей выражали разнообразныя чувства: отъ смертельнаго ужаса до самодовольнаго ехидства и злобной радости. Въ памяти осталось лицо одного епископа: ясное, спокойное, полное вѣры и свѣтлаго мира. Взоръ его былъ устремленъ чуть выше головъ толпы. Онъ смотрѣлъ такъ, что словно видѣлъ что то

отъ всѣхъ сокрытое, а этого, видимо всѣми, злобно клокочущаго, какъ будто не существовало. Чувствовалось, что съ такимъ же свѣтлымъ лицомъ онъ бы принялъ мученія и даже смерть. Кто знаетъ? Быть можетъ ради его свѣтлаго лица обошлось безъ борьбы физической, безъ кровопролитія.

Кто же дерзнулъ забраться въ святую обитель и нарушить ходъ божественной службы? Почему присутствовавшая во дворѣ монастыря полиція спокойно смотрѣла на происходившій безчинства. Почему сейчасъ, когда пишутся эти строки, по городамъ и селамъ Волыни развѣзжаютъ украинскіе „дѣячі“ („дѣятели“) — послы Польскаго Государственнаго Сейма, — безпрепятственно сзываютъ народъ на „вѣча“ и проносятъ „зажигательныя“ рѣчи по поводу почаяевскихъ „событій“, поносятъ не только руководителей Православной Церкви въ Польшѣ, но и святыхъ Православныхъ? „Геть (вонъ) з московськими консисторіями“, „Геть зі святыми всія Руси. Ми маємо своїхъ, Украинськихъ святыхъ“!

13 лѣтъ прошло съ того времени, какъ Юго-Западныя окраины бывшей Русской Имперіи отошли къ Польшѣ, 13 лѣтъ ведется усиленная колонизація края. И — нужно отдать справедливость — сдѣлано много: — колонизирована школа, учрежденія, переселено много поляковъ изъ центральныхъ областей Польши, строятся костелы, все чаще на улицахъ городовъ слышится польская рѣчь. Русскія дѣвушки, выходя замужъ за поляковъ, переходятъ въ католичество, держатся, какъ прирожденные польки; из-

рѣдка только, словно украдкой, забѣгаютъ въ родную церковь.

Вездѣ, не исключая и православныхъ церквей, дѣлопроизводство ведется на польскомъ языкѣ, на польскомъ языкѣ ведется и преподаваніе въ православныхъ духовныхъ школахъ. Самъ митрополитъ Діонисій читаетъ свои лекціи въ православномъ Богословскомъ Институтѣ въ Варшавѣ по-польски.

Однимъ словомъ, все постепенно дѣлается „шляхетнымъ“, польскимъ. Есть только одна область, ничуть не измѣнившая лица своего, свято несущая завѣты отцовъ и дѣдовъ, — это Православная Церковь. Здѣсь все такъ, какъ было 10, 20, 30, 100 и болѣе лѣтъ тому назадъ: тѣ же молитвы, напѣвы, тотъ же славянскій языкъ, тѣ же, пылью вѣковъ покрытыя, воскомъ запаннныя книги церковныя, тѣ же, шитыя золотомъ ризы на священнослужителяхъ. Ничто не измѣнилось, все какъ передъ войной. Какъ пошатнуть эту Твердыню, какъ заставить и ее служить узкимъ и временнымъ интересамъ господствующей націи?

Массѣ народа православнаго дороги родныя святыни, дорога церковь и ея языкъ. Но масса никогда не вершитъ дѣлами, масса это — возможность, потенциалъ, а творчество, дѣйствіе всегда принадлежитъ единицамъ. Церковью управляютъ, Церковь берегутъ единицы. Прямо удалить ихъ невозможно, такъ какъ за ними стоитъ масса, правда инертная, но могущая притти въ дѣйствіе. Нужно сдѣлать такъ, чтобы масса какъ бы сама отказалась и изгнала своихъ руково-

дителей. Для этого избранъ, испытанный уже въ прошломъ, путь провокаціи, обмана и предательства. Искусственно поддерживаемая борьба русскихъ и украинцевъ съ арены политической перенесена въ область церковную.

Русскіе лояльны по отношенію къ государству, упрекнуть ихъ ни въ чемъ нельзя: въ церквахъ поминаютъ „пресвѣтлую Республику польскую“, метрическія книги пишутъ по-польски, въ гражданскіе праздники совершаютъ молебны, но молятся по-славянски; проповѣди произносятъ по-русски, о никакихъ новшествахъ слышать не хотятъ. Прямо бороться съ ними трудно; заставить измѣнить православію — невозможно. Нужно дѣйствовать обходными путями — удалить русскихъ отъ управленія церковью, передать его украинцамъ, ввести украинскій языкъ въ качествѣ богослужебнаго, вообще — создать въ церковной жизни замѣшательство, посѣять анархію, подъ предлогомъ которой легко вмѣшаться въ церковныя дѣла, попытаться ввести унію или какую либо иную комбинацію (въ родѣ „kościola pogodowego“) — однимъ словомъ, попытаться такъ или иначе расширить сферу власти Ватикана. Для этихъ цѣлей — пользуются услугами людей съ весьма темнымъ прошлымъ; добиваются того, что нѣкоторыхъ изъ нихъ — вопреки письменнымъ протестамъ населенія — по-приказу возводятъ въ священныя санъ; другимъ — поручаютъ устраивать во время церковныхъ службъ скандалы и безчинія. Пресса всякое недоразу-

мѣніе въ церковной жизни раздуваетъ до невѣроятныхъ размѣровъ, создаетъ атмосферу, въ условіяхъ которой вмѣшательство свѣтской власти въ церковныя дѣла не кажется уже страннымъ.

Такъ соединенными усиліями поляковъ и украинцевъ потрясается Православная Твердыня, оскорбляются вѣковыя святыни.

Поляки стремятся къ своей цѣли, заключающейся въ томъ, чтобы край навсегда забылъ о Россіи и о православіи и къ этой цѣли идутъ, не разбираясь въ средствахъ.

Но знаютъ ли украинцы на какой путь стали, за кѣмъ и куда идутъ они?

Они забыли, а, быть можетъ никогда и не знали, что церковно-славянскій языкъ, съ которымъ они воюютъ, есть языкъ просвѣтителей славянъ свв. Кирилла и Меѳодія. На этомъ языкѣ молились первые князья Киевскіе, молились отцы и дѣды наши. Знаютъ ли они, что митрополиі Русской Церкви изъ разореннаго татарами Кіева, перенесъ въ Москву митрополитъ Петръ родомъ изъ Волыни? Знаютъ ли, что порядки церковныя, противъ которыхъ они борются, книги церковныя, которыя хотятъ уничтожить установлены и исправлены патріархомъ Никономъ по указаніямъ Киевскихъ ученыхъ, ученыхъ того города, который модно теперь считать столицей Украйны.

Если бы народъ хотѣлъ перемѣны богослужебнаго языка, то давно заявилъ бы объ этомъ, какъ заявилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ при попыткѣ властей ввести новый стиль; несмотря на

всѣ распоряженія, новый стиль существовалъ только на бумагѣ и то — нѣсколько дней.

Путь сторонниковъ богослуженія на украинскомъ языкѣ, если таковыя дѣйствительно имѣются, нечестенъ и не церковенъ. Имѣя уже 16 лѣтъ возможность открыто высказать свои желанія, легально осуществить ихъ, они устраиваютъ безобразную демонстрацію, да и то — подъ прикрытіемъ полиціи.

На „вічахъ“, украинцы кричатъ, что имъ дороги судьбы Православной Автокефальной церкви въ Польшѣ, говорятъ, что ее надо „защитить“ отъ Московскихъ Русскихъ вліяній. „Русскіе“ святые имъ мѣшаютъ; ихъ уши „рѣжутъ“ поминованіе св. Ольги, какъ „княгини Россійской“, они хотятъ замѣнить слово „Россійскую“ словомъ „Украинскую“.

Они забываютъ, что Автокефальная православная церковь въ Польшѣ — дочь Матери церкви Русской: всѣмъ, что имѣетъ, она обязана Русской Церкви и Россіи, той Россіи, которая сейчасъ лежитъ въ униженіи и крови и которую они не опускаютъ случая унижить и оплевать.

Украинцы стремятся къ созданію своей „державы“ и начинаютъ „созиданіе“ съ устройства безчинствъ въ храмахъ, начинаютъ со злобы и ненависти, забывая, что злоба — ничего не созидаетъ, а только — разрушаетъ.

Украинское государство „быть можетъ“ и будетъ, потому что созданіе его — сейчасъ является выгодной комбинаціей для желающихъ воспользоваться богатствами упавшей Россіи, боящихся ея возрожденія, давно съ завистью

поглядывающихъ на югъ Россіи, этотъ югъ который украинцы безапелляціонно считаютъ своимъ, забывая, что онъ освобожденъ отъ ига татарскаго и турецкаго царями московскими, завоеванъ русскою кровью, организованъ и благоустроенъ русскимъ державнымъ геніемъ.

Роющий другому яму, часто самъ въ нее падаетъ. Почаевскій скандалъ страшенъ не только православію, онъ угрожаетъ также и всему христіанству, всякой религіи. Не прилетѣлъ ли въ Почаевъ духъ злобы, носящійся надъ окровавленными просторами Россіи, не онъ ли наполнилъ ненавистью къ своему же родному и святому души демонстрантовъ? Справится ли въ будущемъ съ этимъ духомъ злобы и нечестія отдѣльныя партіи въ католич. церкви въ Польшѣ, разжигающія его сейчасъ?

Загадочными и страшными представляются судьбы православія въ Польшѣ. Наступаютъ тревожныя времена, несущія въ себѣ много мрака и неправды. Но не только темное, безотрадное впереди, будетъ и свѣтлое, радостное.

Изъ православія уйдутъ малодушные, уйдетъ мірское, ищущее выгоды, останется крѣпкое, сильное духомъ. Предстоитъ борьба. Душа наполняется гнѣвомъ — не злобой, нѣтъ! — злоба ослабляетъ того, кто поддается ей, а гнѣвомъ священнымъ противъ всякаго отступничества, измѣны, предательства, праведнымъ гнѣвомъ, дающимъ силы, побуждающимъ къ творческимъ исканіямъ христіанскаго выхода изъ тяжелыхъ условій времени. М. И.

Волынь. Октябрь 1933 г.

Совѣтская жизнь.

„Красные купцы“.

„Въ лавкѣ Озелихинскаго отдѣленія одѣвскаго сельпо (сель. потреб. общество), потребитель покупающій соль, обязанъ вмѣстѣ съ тѣмъ брать ненужные ему желѣзные скребки. Причемъ соль стоитъ 50 коп. скребокъ — 1 руб. 60 коп. Въ этой же лавкѣ безлошаднымъ приходится брать конскія подковы.“

* * *

Работница фабрики, уплативъ деньги и передавъ чекъ продавщицѣ, случайно на секунду отвернулась отъ нея. Когда она вновь обратилась къ продавщицѣ, чтобы получить масло, продавщица отказала ей, заявивъ, что масло уже выдано. Несмотря на возмущенные крики работницы, никто изъ руководителей магазина не обратилъ на нее вниманія. Услужливый зав. хлѣбнымъ отдѣленіемъ магазина Никитинъ поучительно посовѣтывалъ продавщицѣ не отпускать работницѣ масла до тѣхъ поръ, пока она не перестанетъ кричать.

Оказывается, что это не единственный фактъ такого возмутительнаго отношенія къ рабочему потребителю. Не рѣдки здѣсь и случаи явнаго жульничества. Продавцы пользовались неполновѣсными гириями.

* * *

В мясо-зеленомъ отдѣленіи покупателю отпускалось мясо второго и даже третьяго сорта за первый сортъ. Съ 1-го по 15 с. м. въ отдѣленіе поступило мяса пер-

вого сорта 2.895 кгр. на сумму 9497 руб. второго сорта — 1.516 кг. на сумму 3.457 руб., третьяго сорта 183 кг. на сумму 64 руб. Отъ продажи этого мяса магазинъ долженъ былъ получить 13.018 р. По кассовымъ же чекамъ оказалось, что фактически магазиномъ продано мяса „первый сортъ“ 3.326 кг., „второй сортъ“ только 458 кг. и „третій“ — лишь 6 кг.

Такимъ образомъ продавецъ обворовалъ покупателей на 1.453 р. (Комсомольская Правда, 9. отк. 1933 г.)

„Безъ хозяина.“

Совѣт. школьное хозяйство.

„Въ Киржачскомъ районѣ уже было рапортовано объ окончаніи ремонта. Послѣ торжественнаго зачитанія рапорта гости подъ звуки оркестра пошли осматривать школу. Оказалось, что зданіе дѣйствительно готово... къ новому ремонту и заниматься въ немъ никакъ нельзя.“

„О побѣдѣ на строительномъ фронтѣ рапортовалъ и Вольскій педтехникумъ. На другой же день послѣ торжественнаго обѣда, устроеннаго по случаю окончанія техникума, двери разохлись, полы покоробились, стѣны растрескались и крыша стала протекать. Однако все это не поколебало невозмутимаго спокойствія строителей, которые наплевательски отнеслись къ тому, что вмѣстѣ со стѣнами затрещалъ и скудный бюджетъ педтехникума.“

* * *

Горячую поддержку школамъ оказываютъ и райисполкомы. На

фабрикѣ „Красный ткачъ“ въ Ярославлѣ строилась школа ФЗС (Фабр.-Завод. семилѣтка). Были и матеріалы и люди и средства. Одинъ недостатокъ былъ — стройка велась безъ контроля общественной. Желая ликвидировать прорывъ на этомъ участкѣ, ярославскій исполкомъ рѣшилъ поближе познакомиться съ ходомъ строительства, познакомиться и чѣмъ надо помочь. Въ результатѣ глубокаго ознакомленія райисполкомъ забралъ у школы 9 тоннъ кровельнаго желѣза, предназначеннаго для крыши. Если райисполкомъ и дальше будетъ такъ знакомиться со школой, — она останется безъ стѣнъ.“

* * *

„Въ Ижевскѣ строится школа ФЗС. Только завидовать можно сколько вниманія и заботы ей удѣляютъ и обкомъ (обл. комит.) партіи и обисполкомъ. Ее начали строить въ 1929 году, заложили фундаментъ, но... „Удмуртстрой“ уже нѣсколько лѣтъ не даетъ ни одного рабочаго. Всѣ заявки на рабочую силу, всѣ резолюціи обкома и исполкома „Удмуртстрой“ заложилъ въ долги ящикъ“.

„Въ многихъ мѣстахъ учащимся дали возможность только издали глядѣть на наглядныя пособія. Въ Горьковскомъ краѣ (б. Нижегород. обл.) и въ этомъ удовольствіи отказали. Чуть ли не на 200 тысячъ рублей „затоварено“*) на складахъ „ненаглядныхъ“ пособій.“

* * *

*) „Затоварено“ — лежитъ на складахъ, не выпущено на рынокъ.

То, что произошло въ этомъ году съ письменными принадлежностями, свидѣтельствуетъ о томъ, что кое кого придется направить по принадлежности въ прокуратуру. Въ самомъ дѣлѣ бѣлгородскій заводъ „Заря революціи“ не отгрузилъ ни одного вагона мѣла для школъ Ленинграда. Ленинградскій „Канцнабсбытъ“ (трестъ снаб. канцеляр. принадлежностями) отпустилъ для школъ вмѣсто тетрадей — фабричный бракъ.“

Ленинградская фабрика „Союзъ“ изготовила перья. Замѣчательныя перья: они прежде всего не держатъ чернила, а во вторыхъ ..они не пишутъ. Выпустивъ такія перья, администрація фабрики была спокойна; расчетъ простой — даже жалобу написать нечѣмъ будетъ. Школьникамъ же придется писать гусиными перьями.“

* * *

„Главбухъ Бахчисарайскаго райфино (район. финансов. отдѣлъ) — извѣстный борець съ темнотой и ликвидаторъ безграмотности. Впрочемъ главбухъ ликвидировалъ не столько неграмотность, сколько учителей. 7 мѣсяцевъ не платилъ онъ зарплату учителямъ. Работники школы робко напомнили ему о задолженности, Главбухъ вѣжливо отвѣтилъ: — „Надоѣли... И вообще... катитесь вы колбасой...“ И просвѣщенцы катятся. Школы остаются безъ педкадровъ...“

Хотя, по правдѣ сказать, большой бѣды для школы не было, если бы „катились“ педкадры, вродѣ учителя изъ Кварнинскаго зернсовхоза (Ср. Волга). Учитель

этотъ малограмотный РОНО (Район. отдѣл. нар. образ.) это нисколько не смущаетъ:

„Малограмотность — говорятъ — „не позоръ, а несчастье“.

И, наконецъ, документъ. Но за бумагой живой челювѣкъ. Викторъ Ивановичъ Назаровъ, учитель въ Мосальскомъ районѣ.

Тоже очень подкованный. Это его рука писала.

— „Прошу ОблОНО ЗДѢЛАТЬ СОДѢЙСТВІЕ Масальскому РОНО, такъ какъ которая не усматриваетъ матеріальное положеніе, а также СЕРЕДНЯЦКОЕ мое хозяйство и нѣ-

который скотъ. Я просилъ ПЕРЕВЕЗТИ меня въ свою Фошненскую школу, но РОНО, не жилая волынки не поглядѣло НЕ на что ТИПЕРЬ я и моя помощница сидимъ и плачим“. Дѣйствительно, есть надъ чѣмъ плакать“.

* * *

„Въ учебникѣ географіи, выпущенномъ недавно Учпедгизомъ (Учеб.-педагог. государ. издатель) полумилліоннымъ тиражемъ, изображена карта, на которой Волга впадаетъ не въ Каспійское море, а въ Черное.“

(„Крокодилъ“ Сентябрь 1933 г.)

Колхозы и безбожіе.

„Въ настоящее время организовано около 5.000 совхозовъ, болѣе 200.000 колхозовъ объединяютъ свыше 60% крест. хозяйствъ съ охватомъ свыше 70% всѣхъ крестьянскихъ площадей. На основѣ совхозовъ и колхозовъ посѣвныя площади расширены за 4 года на 21 мил. гектаровъ. Вмѣсто 500—600 мил. пуд. хлѣба, заготовлявшихся въ періодъ единоличнаго хоз. мы имѣемъ возможность заготовлять теперь 1200—1400 мил. пудовъ хлѣба“. (Безб. 13. I. 33). (Сколько дѣйствительно заготовляютъ — молчаніе!)

Изъ 200.000 колхозовъ — безбожныхъ колхозовъ въ СССР. — 400.

Но такъ называемые „безбожные“ колхозы далеки еще отъ того, чтобы быть дѣйствительно безбожными.

„Салтыковскій безбожный кол-

хозъ — пишетъ Безбожникъ, нельзя назвать вполне показательнымъ (а онъ числится показательнымъ) безбожнымъ колхозомъ. Правда — многіе перестали ходить въ церковь, не крестятъ дѣтей (въ колхозѣ — 16 некрещенныхъ), свадьбы замѣняются записью въ загс. (Запись актовъ гражд. состоянія). Однако у нѣкоторыхъ колхозниковъ сохранились старыя привычки ходить въ церковь, крестить дѣтей.

Въ колхозѣ есть убѣжденные враги поповщины и религіи, но это въ большинствѣ случаевъ — малограмотные“. (Б. 13. I. 33).

Другія совѣтскія данныя подтверждаютъ, что чисто безбожныхъ колхозовъ нѣтъ. Въ январскомъ или февральскомъ №№ „Вѣстника“ мы надѣемся помѣстить подробныя данныя относительно „безбожія“ въ колхозахъ.

Батюшки и колхозы.

„Подгорская райгазета“, проводившая заочную агротехническую конференцию, получила письмо от некоего Тузова. Он давал агрономические советы, общался и в дальнейшем делиться агрономическим опытом. Тузов оказался попомъ, пожелавшим приобрести славу общественника, чтобы стать колхозником. Другой священник Кольченко — в пугачевскую районную газету (Ниже-Волжский край) написал статью — „О специалистах для колхозов“. „Плачевно, пишет онъ, что — на 16 году сов. власти в колхозах ответственных постах сидят не специалисты или совсѣмъ неграмотные люди“. Поэтому, онъ предлагаетъ — „ужь если сов. власть не въ состояніи обучить мужиковъ, то надо взять нашего брата съ образованіемъ и допустить до курсовъ. Нѣтъ у насъ и хорошихъ учителей“.

„Возстановите меня въ правахъ, снимите контрольное задание по хлѣбзаготовкамъ, — 1 центеръ — и по мясзаготовкамъ — 45 килограммъ... Тогда я — бѣднякъ одиноличникъ — вступлю въ колхозъ“.

(Безбож. 5. III: 33).

Батюшка Соколовъ (Нижегородская область) предложилъ колхозу своеобразный опытъ „влитія церкви въ колхозъ“, обѣщая — очевидно, если опытъ влитія церкви въ колхозъ не удастся, „снять санъ и взяться за дѣло колхозостроя“.

„Настоящимъ прошу, пишетъ онъ въ своемъ заявленіи, принять меня, Соколова, въ колхозъ. А равносильно прошу влитъ въ колхозъ и церковь, такъ какъ об-

щина распадется и со временемъ церковь окажется пустой. Временно предлагаю слѣдующее: я, Соколовъ, согласенъ вести общественно-полезную работу. Далее — на некоторый періодъ предлагаю устроить пробу влитія церкви въ колхозъ. Получаемый отъ церкви доходъ кладу весь въ фондъ индустриализаціи и развитія хозяйства. Желательно открытіе дѣтсаель и дѣт. площадки. Я, Соколовъ, со временемъ брошу санъ служителя и возьмусь за общее дѣло колхозостроя“.

(Шишаковъ. „Религія и колхоз. строительство“).

Совѣтскія газеты не уставая твердятъ о „грандіозныхъ“ успѣхахъ коллективизаціи, о томъ, что знаменитый вопросъ — „кто кого“ частновладѣльческое хозяйство побѣдитъ „коллективистическое“ или коллективистическое — „мелко-буржуазное“ — „цѣликомъ и полностью“, „окончательно рѣшенъ исторіей“ въ пользу „соціалистическаго хозяйства“. Но „торжествующіе колхозы“ почему-то все время подъ ударами, предъ опасностью гибели, развала, разложенія. Достаточно самыхъ, по видимому, вздорныхъ, нелѣпныхъ слуховъ, чтобы „соціалистической энтузіазмъ“ колхозниковъ вдругъ началъ тускнѣть, остывать, чтобы колхозники потянулись вонъ изъ колхоза, несмотря на всѣ кары и лишенія, какія связаны съ переходомъ на положеніе одиноличниковъ.

Въ Черноземной области прошелъ слухъ, что въ одномъ изъ колхозовъ якобы родился ребенокъ... Мать понесла его кре-

стить... принесла, развернула, а тамъ, вмѣсто ребенка — веревка... Въ испугъ мать бѣжить домой... Ребенокъ лежитъ тамъ. Она схватила его, побѣжала вновь въ церковь... Принесла, развернула... Вмѣсто ребенка — топоръ. Опять вернулась домой и опять нашла тамъ ребенка... Снова отправилась въ церковь.. Вмѣсто ребенка, въ пеленкахъ нашли цвѣты... Ребенокъ исчезъ... Таинственное явленіе „народная“ молва истолковала въ томъ смыслѣ, что молодыхъ колхозниковъ ожидаетъ веревка, старыхъ — топоръ... Тѣ же, кто удержатся отъ вступленія въ колхозъ, будутъ увѣнчаны цвѣтами... Подъ влияніемъ этихъ нелѣпныхъ слуховъ значительное число колхозниковъ подало заявленіе о выходѣ изъ колхоза.

(Шишаковъ. „Религія и колхоз. строительство“).

Въ другомъ случаѣ (село Ветехино, Барнаульскаго уѣзда) крестьяне „совсѣмъ было вошли въ

колхозъ“, но вокругъ луны появились „какія то знаменія“, и собраніе было сорвано“ (Там-же).

Въ Волчанскомъ районѣ „Стали говорить о томъ что въ Бочковской церкви въ ночь на Покровъ сами собою зазвонятъ всѣ колокола и появится на облакахъ Пресвятая, которая благословитъ вѣрующихъ, не идущихъ въ колхозы“.

Когда зазвонитъ одинъ колоколъ, всѣ колхозы сгинуть а когда всѣ зазвонятъ — вся жизнь вновь перемѣнится“.

Но самое любопытное, что „слухи эти такъ быстро и далеко распространилось, что на Покровъ въ Бочковъ съѣхалось до 3000 народу. Были, говорятъ, даже из-подъ Воронежа, из-подъ Полтавы, Кіева.“ (Тамъ же.)

Въ народѣ живетъ какое то неискоренимое сознание неправды колхозовъ, сознание, что это „дѣло гиблое“. . . И готовы на все, лишь бы это все было другое, чѣмъ „совѣтскій рай“... .

Редакція проситъ всѣхъ читателей, возобновляющихъ (или прекращающихъ) подписку увѣдомить объ этомъ и внести подписную плату возможно скорѣе на адресъ редакціи или конторы. Своевременный взносъ подписной платы — огромная помощь „Вѣстнику“.

Въ случаѣ невозможности выслать подписную плату за границу, „Вѣстникъ“ проситъ направлять деньги представителю журнала для данной страны.

Редакторъ: **И. ЛАГОВСКІЙ.**

Адресъ Редакціи: **I. LAGOVSKY, 10, Boulevard Montparnasse, Paris (XV).**
Tél.: Ségur 31-68.

„ВѢСТНИКЪ“

(Девятый годъ изданія).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1934 Г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годъ — 20 франц. франковъ (или эквивалентъ 20 фр. по курсу дня).

ДЛЯ ДВИЖЕНЦЕВЪ, СТУДЕНТОВЪ, РАБОЧИХЪ, — 15 франц. франковъ (или эквивалентъ 15 фр. по курсу дня).

„ВѢСТНИКЪ“ въ этомъ году будетъ удѣлять особое вниманіе освѣщенію идеологическихъ исканій современности и дастъ рядъ очерковъ, посвященныхъ характеристикѣ „пореволюционныхъ“ теченій среди русской молодежи.

„ВѢСТНИКЪ“ расширяетъ информацию о Совѣтской Россіи и въ каждомъ № будетъ давать матеріалъ, освѣщающій положеніе въ Сов. Россіи.

Пробные №№ по первому требованію высылаются бесплатно.

Деньги въ редакцію можно посылать почтовымъ переводомъ, чекомъ, или въ заказномъ письмѣ, въ любой валютѣ.

Пріемъ рукописей, объявленій, выдача справокъ и указаній, а также полученіе подписной платы на „Вѣстникъ“ производится:

АМЕРИКА : 1) N. Stember. 56. East 122 nd str. NEW-YORK. City.

2) T. Karpovitch, 67 Walker st. CAMBRIDGE.

3) Rt. Rev. A. Viacheslavoff, 1520, Green Str. San-Francisko Calif.

АНГЛІЯ : V. Rastorgoueff, 80, Marchmont Str. LONDON W. C. I.

БОЛГАРІЯ : Е. Наумовъ, СОФИЯ. Регентска 38.

БЕЛЬГІЯ : Mme M. A. Petroff, Jette St.-Pierre, Hopital Brugmann. BRUXELLES.

ГЕРМАНІЯ : 1) A. Pawlowsitch, Tempelhofer Ufer, 184, BERLIN, S. W. 61.

2) Fürst D. Obolensky. Carlovitzstr. 15 DRESDEN.

3) W. Schwesoff Bahnhofstr. 6. II FREIBERG I. Sa.

МАНЖУКО : 1) В. Коченева, Ажихейская ул. 60. кв. 4. HARBIN.

ЛАТВІЯ : 1) N. Litvin, Turgeneva iela 21 a, dz. 8. RIGA.

2) M-ele P. Krukovsky Krasta iela 21. DAUGAVPILS.

ПОЛЬША : 1) E. Polonska, Aleje Ujazdowskie 6/8 Obserwator. Astron. Warszawa.

2) „Dobro“, ul. Krakowskie Przedmieście 53. WARSZAWA.

ФИНЛЯНДІЯ : 1) A. Schavoronkova Luostarinkatu 9 as. 2. VIIPURI. 2) M. Reiche, KELLOMÄKI.

ФРАНЦІЯ : 1) Въ редакцій Вѣстника 10, Bd. Montparnasse, PARIS. XV.

R. P. A. Eltchaninoff. Pavillon du Lotissement, av. de la Parc Imperial Nice (A. M.).

ЧЕХОСЛОВАКІЯ : 1) S. Malloj Tynska 19. Praha I.

2) N. Lupandin Kucuricna c. 1. BRATISLAVA.

3) A. Vissarionoff, 18, Kralovopolska Zabovresky. BRNO.

ЭСТОНІЯ : 1) N. Golubeva. Vaestekooli 15-6. TALLINN.

2) H. Lange. TARTU. Kalda t. 10.

3) S. Nikitin. Linaketramise vabrik. Põlvtsivi maja. NARVA.

4) A. Petchnikova Smolenskaja 28, PETSERI.

РУМЫНІЯ : L. Gloukhoff. Tescani, jud Bacau.

ЛИТВА : E. Sokolsky, Italijos 56 KAUNAS.

ЮГОСЛАВІЯ : N. Ribinski, Kosovska, 51. BEOGRAD.